

*Азизова А.Н., студент
4 курс, факультет востоковедения
Дагестанский государственный университет
Россия, г. Махачкала*

АРАБСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ПЕРВОМ ПАРЛАМЕНТЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается открытие первого парламента Османской империи, которое состоялось 30 сентября 1876 г. во время правления султана Абдулхамид II, и роль депутатов, представивших арабские провинции в нем.*

***Ключевые слова:** Османская Империя, Конституция 1876, Парламент, Арабские провинции, депутаты, роспуск.*

***Annotation:** the article discusses the opening of the first parliament of the Ottoman Empire, which took place on September 30, 1876 during the reign of Sultan Abdulhamid II, and the role of deputies who represented the Arab provinces in it.*

***Key words:** Ottoman Empire, Constitution of 1876, Parliament, Arab provinces, deputies, dissolution.*

Когда в середине 1870-х внутренние и международные кризисы обострились, группа высокопоставленных бюрократов, под влиянием молодого османского мышления и возглавляемая бывшим великим визирем и председателем Госсовета Мидхат-Пашой, увидела в конституционном режиме новую надежду на будущее, на реформы, на возрождение, да и вообще на выживание. Ободренные своей способностью манипулировать султанами в кризисе престолонаследия 1876 года, они убедили нового султана Абдул-Хамида II утвердить конституцию, в которой содержался призыв к созыву парламента.

Новая хартия не была продуктом всенародно избранного Представительного Собрания. Члены первого парламента, созванного в марте 1877 года, определялись, как это предусмотрено временным избирательным регламентом, ранее избранными губернскими административными советами вместо всенародного голосования. Как только парламент открылся, начавшаяся война с Россией и понесенные поражения парализовали правительственный аппарат, а также потребовали осторожности и сдержанности в парламентских процессах. Конституция оставила парламент на милость султана, и война дала ему повод для того, чтобы в 1878 году распустить ассамблею.

Несмотря на свои недостатки, Конституционный эксперимент 1876-78 годов стал вехой в поздней Османской истории. Он разжигал аппетиты к конституционному правлению, которые Абдул-Хамид II не мог ни удовлетворить, ни успешно подавить. До 1908 года требование восстановления конституции и парламента служило центром, который кристаллизовал и объединил либеральную оппозицию султану.

Парламент 1877-78 годов заслуживает внимания на основании своих собственных достоинств, несмотря на свою короткую жизнь и отсутствие конкретных достижений. Он служил форумом, на котором нашел свое выражение идеал османизма. Представители элиты и высшего среднего класса провинций из разных частей империи впервые собрались вместе, чтобы обсудить вопросы, варьирующиеся от соответствующего официального языка империи до реорганизации провинций, свободы печати, сбора налогов и вестернизации. Возникли блоки, не привязанные к религиозным и этническим линиям. Это была сцена изоощренных дискуссий по имперским и местным вопросам, в которых правительственная политика могла подвергаться критике, иногда даже яростной. Депутаты из Арабских провинций были одними из самых громких и критичных в Палате депутатов.

Парламентское правительство вовлекло Арабскую провинциальную элиту в политические перипетии столицы. Этот первый рудиментарный эксперимент с партисипативной политикой дает точку отсчета для определения положения арабских провинций и арабов в Имперском контексте к концу XIX века.

Из 232 должностей, занимавшихся в течение двух сроков первого парламента, 32 принадлежали арабам. Арабские провинции Алеппо и Сирия, исторически лучше включенные в состав империи из-за их близости к центру и их коммерческого значения, были несколько переизбраны по отношению к их населению. Напротив, Багдад, Басра и Триполи (Ливия) были недопредставлены. Санджак (субпровинция) Ливана был приглашен прислать депутатов, но отказался сделать это, чтобы подчеркнуть особый автономный статус (*mümtaz mutasarrıflık*), который он получил после Гражданской войны 1860-61 годов.

Арабские депутаты были одними из самых молодых членов Палаты. Это говорит о том, что арабские знатные люди в провинциях рассматривали парламентское правление как экспериментальное предприятие, ради которого не следует жертвовать местным положением. Выбор административных советов пал на молодых членов ведущих семей, которые имели современное образование и были знакомы с новым порядком в Стамбуле.

В начале второй сессии в декабре 1877 года Нафи Аль-Джабири из Алеппо было 29 лет; Халилу Ганему-32; а Зии аль-Халиди, покинувшему свой пост главы иерусалимского муниципалитета и переехавшему в Стамбул, было 35. Халиди яростно критиковал на одном из первых заседаний Палаты принцип старшинства, столь укоренившийся в Османской социальной и политической традиции. Он утверждал, что на руководящие посты в парламенте должны выдвигаться самые способные, а не самые старые, и добавил, что молодежь лучше образована и более предрасположена к

либеральным и конституционным идеям, чем старики, которые придерживаются устаревших.

Молодая, городская, профессиональная вспышка Халиди застала собрание врасплох и задала тон его радикализму в зале. Нафи, а во второй сессии к нему присоединился Халил Ганем. Эти трое стали самыми стойкими сторонниками нового парламентского режима и стремились укрепить позиции Палаты депутатов по отношению к кабинету. Юсуф Зия предложил, чтобы абсолютное большинство заменило предусмотренное большинство в две трети голосов, с тем чтобы палата могла ходатайствовать о назначении министра. Он также критиковал цензуру протоколов.

Халиль Ганем, в свою очередь, обрушился с критикой на правительство за то, что оно использовало войну с Россией, чтобы умерить свою парламентскую оппозицию. В своих ранних речах Ганем разоблачил противоречие во внешней политике правительства, когда он спросил, почему мнимые союзники Османского государства, а именно Англия и Франция, не приходят к нему на помощь. В более позднем случае он указал на промедление парламента в принятии законодательства о реформе, что привело к вмешательству и давлению иностранных держав на государство. Халиль Ганем не удержался от нападок на правительство, а косвенно и на султана, по щекотливым вопросам изгнания Мидхат-Паши и введения осадного положения.

Нафи, единственный депутат, избранный в парламенты 1877 и 1908 годов, был из видной религиозной семьи Джабирисов и сыном мюфту из Алеппо. Таким образом, он отличался по происхождению и мировоззрению от двух других. Он был согласен с Ганемом по большинству вопросов, но был менее язвителен в своей критике. Он осудил правительство в связи с осадным положением, не одобрял произвольного изгнания религиозных студентов. Также он защищал постановления шариата, выступал против любой критики

султана и не одобрял секуляризацию правил, регулирующих владение собственностью, наследование и распоряжение ею.

Депутаты, представляющие Арабские провинции иногда формулировали местные проблемы. Петиция, поданная депутатом Мануком Караджой, показывает специфику требований, предъявляемых к реформам в провинции: открытие банка в Алеппо, строительство дороги между двумя населенными пунктами провинции, ликвидация болот в Александретте, создание коммерческого суда в том же городе, и даже транспортировка сломанного моста из стамбульского района Галата в Биреджик (близ Алеппо) для установки над Евфратом. Депутаты Бейрута потребовали выделения провинции с центром в Бейруте из существующей провинции Сирии (Сурийе или Шам), указывая на торговое и дипломатическое значение города, а также на его удаленность и отделение от Дамаска, сирийского провинциального центра. Парламент закрылся, не приняв решения по заявке Бейрута, как это было с большинством вопросов, которые ему предстояли.

Не было четких общих интересов или «арабской идеи», которая объединяла и отличала арабских депутатов. Они, казалось, воспринимали себя как представителей Империи во всей ее полноте.

После того как Абдул-Хамид весной 1878 года распустил парламент, десяти депутатам, считавшимся опасными, было приказано уехать из Стамбула в свои родные города. Половина из них была из арабских провинций: Юсуф Зия (Иерусалим), Ганем (Сирия), Нафи (Алеппо), Манук (Алеппо). Ни один из десяти не был обвинен в конкретном преступлении. Совет Министров направил султану записку, в которой содержались туманные обвинения в действиях этих депутатов против государства и султана. Юсуф Зия пожаловался на произвол, совершенный против него и других депутатов, в письме, которое он написал великому визирю и бывшему председателю парламента Ахмеду Вефик-Паше.

Нет никаких указаний на то, что эти депутаты считались опасными, в разжигании этнической розни среди арабов. Арабские депутаты не высказывали своей критики в парламенте ни в этническом плане, ни в национальном, ни в индивидуальном, ни в групповом, не намекали на автономистские устремления. Только изредка они высказывали региональные претензии, как и депутаты из других областей и провинций.

В любом случае Абдул-Хамида вряд ли можно было обвинить в антиарабском уклоне. К примеру, один арабский депутат, Абд аль-Кадир Аль-Кудси, представлявший конкурирующую фракцию Джабиритов в Алеппо, поступил на службу к султану после закрытия парламента и впоследствии стал его вторым секретарем.

Однако такие региональные и местные претензии, если они выражены в сильных выражениях, могут быть восприняты как вредные для целостности государства. В самом деле, такая вспышка, вероятно, послужила причиной включения Абд аль-Рахима Бадрана в ряды изгнанников. В январе 1878 года Бадран начал свою речь об условиях в Сирии, заявив, что свободы, гарантированные Конституцией, бессмысленны, если не сопровождаются равенством, которое, как он утверждал, существует только на бумаге. Когда он задал риторический вопрос: «достиг ли кто-нибудь из Сирии за последние шестьсот лет поста великого визиря, шейх уль-Ислама или министра финансов?», султан остановил его и обвинил в разжигании розни.

Абдул-Хамид распустил парламент, чтобы устранить политическую оппозицию его правлению. Вряд ли его пугала угроза сепаратизма в арабских провинциях. Депутаты оказались более независимыми и смелыми, чем он был готов терпеть, и он принял меры против самых откровенных. Арабы среди них представляли угрозу не из-за каких-либо связей с потенциально подрывным или раскольническим арабским делом, а потому, что они четко выражали свою критику политики правительства на всех уровнях. Тот факт, что правительство отправило этих депутатов обратно в Сирию в то время, когда оно знало, что в

Бейруте существует движение с сепаратистскими тенденциями, также показывает, что правительство считало их присутствие в Стамбуле более хлопотным, чем их присутствие в Сирии.

Парламент в целом действовал в том духе, который предполагали молодые османы. Депутаты не были покорны, как, несомненно, надеялся Абдулхамид, когда он закрепил в Конституции обширные королевские прерогативы; они также не использовали палату в качестве форума для достижения партикуляристских или сепаратистских целей. Вместо этого депутаты занимались широкими вопросами и высказывали мнения о работе государственного аппарата, резко критикуя правительство и косвенно султана. Они настаивали на законодательных правах, которые Конституция им не предоставляла, и объявили импичмент министрам, в одном случае вынудив султана уволить великого визиря Ахмеда Хамди-Пашу.

Таким образом, воинственность России и очевидная международная изоляция империи после кризиса 1870-х годов были отчасти ответственны за энергию, мужество и патриотизм депутатов. По иронии судьбы именно война с Россией дала Абдул-Хамиду II предлог для того, чтобы провести досрочные выборы в парламент. Избавившись от него, султан был готов установить свое личное правление.

Библиография:

1. Yılmaz, Faruk. Türkiye'de Anayasal Gelişmeler ve Özellikleri. — Ankara: Net Yayınları, 2016. — 202 с.
2. Dişbudak, Belkıs Çorakçı. Osmanlı İmparatorluğu: son üç yüz yıl: bir çöküşün yeni tarihi. — İstanbul: Sabah Kitapları, 1993. — 323с.
3. Абдул-Гамид II // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона.